

Эмилио Сальгари Священный меч Будды

Священный меч Будды

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Палладион¹ буддистов

ГЛАВА I Праздник в фактории

Сицзян, или Жемчужная река, прорезывает южные провинции Китая на протяжении двухсот лье, при впадении в море разветвляется на бесчисленное множество каналов и канальчиков и образует обширную дельту с массой островов. Они то покрыты богатой тропической растительностью и изобилуют городками и многолюдными селениями, то заболочены, занесены илом и вследствие этого почти пустынно.

¹ Палладион — у древних греков и римлян название статуй богини Паллады, считавшихся святынями. Позднее это слово стало обозначать всякий предмет, который почитают как приносящий могущество и счастье. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

После англо-китайской войны 1840–1842 годов, более известной как Первая опиумная война, целью Англии было расширение торговли, в том числе опиумом, в Китае: небольшое число европейцев и американцев, пользуясь насильно вытребованным у правительства Небесной империи разрешением на право торговли в известных местах, заняли некоторые из островов и устроили на них фактории. Дела пошли хорошо, но в 1857 году вновь разгорелась война, и белые вынуждены были бежать, бросив имущество на произвол китайцев, которые, ненавидя все иноземное, уничтожили многие дома и товары. К счастью, война длилась недолго, и вслед за заключением мира, даровавшего немалые привилегии европейцам, беглецы вернулись обратно, отстроили фактории и возобновили коммерческую деятельность. Дела пошли столь успешно, что уже в 1858 году колонии опять процветали и, владея громадными капиталами, вели оживленную торговлю с Кантоном ², Хуанпу, Фошанем, Сяньшюем, Шицзяо, Цзянмынем и другими городами и поселениями.

² Так прежде называли в Европе китайский город Гуанчжоу.

Вечером 17 мая 1858 года — время, с которого начинается наш рассказ, — датская колония по случаю прибытия военного корабля устроила в обширных садах фактории шумное празднество в европейско-китайском стиле, на которое был приглашен весь beau monde³ колонии. Веселая пестрая оживленная толпа растеклась по садам, повсюду иллюминированным тысячами разноцветных фонарей и фонариков. Народу собралось очень много: богатые китайцы в национальных костюмах с капюшонами из красного и голубого шелка, вышитыми золотом; величаво-торжественные мандарины⁴ со знаками отличия на косичках и шапочках, в одеждах из шикарного шелка, затканного драконами, аистами, лунами, змеями; ученые различных степеней — серьезные, сосредоточенные, молчаливые, в неизбежных очках в роговой оправе; элегантные молодые аристократы в шляпах модного фасона, в высоких сандалиях на войлочных подошвах, в костюмах с поясами, наполненными золотыми монетами, расточаемыми на игорных столах. Среди

³ Beau monde (*фр.*) — бомонд, высший свет.

⁴ Мандарин — название, данное португальцами чиновникам феодального Китая.

этого моря голов, бритых и желтых, как айва, мелькали европейские лица: здесь были темноволосые испанцы, белокурые датчане, чопорные англичане и элегантные французы, одетые по последней моде, но с такими ее излишествами, которые только и можно встретить в среде давно покинувших родной Париж представителей этой нации. На празднике присутствовали щеголеватые, в парадных мундирах, капитаны стоявших в гавани кораблей, плантаторы, торговцы, судовладельцы и банкиры — разодетые и в бриллиантах.

Одни приглашенные танцевали под звуки португальской музыки, специально выписанной из Макао ⁵, другие толпились вокруг длинных столов, угощаясь цветочным чаем из фарфоровых чашечек цвета неба после дождя, а небольшая группа — человек двенадцать — играла в вист в отдаленном углу сада под кустом магнолии, освещенным гигантским фонарем. Там сидела интересная многонациональная компания: португалец Ольваэс, американец Крекнер, англичанин Перкинс, испанец Баррадо, четыре

⁵ Макао (Аомынь) — территория в Юго-Восточной Азии на побережье Южно-Китайского моря, португальская колония.

датчанина из колонии, двое голландцев и два немца — все богачи, абсолютно хладнокровно выигрывавшие и проигрывавшие солидные куши.

— God damn it! ^б — проговорил один из игроков, американец Крекнер, подвигая вперед порядочную кучку проигранных долларов. — Однако не везет сегодня мне и Перкинсу! Ольваэс и Баррадо вчистую нас обыграли — мы потеряли тысячу долларов меньше чем за два часа! Должно быть, вы порядком напрактиковались или, может, нашли себе учителя в Макао?

— Конечно! — прищурился португалец Ольваэс, придвигая к себе доллары. — А вы думали, что я сяду играть с вами, предварительно не взяв хоть несколько уроков у такого же искусника, как вы? Я встретил в Макао известного игрока в вист, способного обыграть кого угодно, и он показал мне мастер-класс.

— Твой хваленый учитель, Ольваэс, — сказал Крекнер, — в любом случае уступает капитану Джорджио Лигузе. Слышал про такого? Вот это ас!

— Ха-ха! Да ведь наставник, про которого я говорю, и есть знаменитый капитан Лигуза, мой искренний друг!

^б Черт возьми! (англ.)

— А! Он и мой друг тоже. Так это он давал тебе уроки? Он в Макао?

— Да, он охотился там за какой-то птицей для своей коллекции.

— Понятно, ездит в Макао и не приглашает с собой друзей! — делая вид, что обиделся, произнес Крекнер. — Корсан, как всегда, с ним?

— Конечно. После приключения в Плавучем городе они, кажется, никогда не расстаются: где капитан Джорджио, там и Корсан, и наоборот.

— Про какое приключение вы рассказываете? — поинтересовался англичанин Перкинс. — Ольваэс, давай-ка поподробнее!

— Охотно, — кивнул португалец. — Вы, конечно, знаете, что капитан Джорджио владеет роскошной коллекцией китайских птиц, которой очень дорожит и при каждом удобном случае пополняет ее редкими экземплярами. И вот он узнал, что у одного из китайцев в Плавучем городе имеется какая-то невиданная птица. Капитан переделся лодочником и отправился на поиски. Американец Корсан, у которого якобы тоже есть некая коллекция, а на самом деле три-четыре жалких набальзамированных чучела, втемяшил себе в голову, что он должен опередить капитана и приобрести знаменитую птицу. Этот Корсан устремился в Плавучий город, но по обыкновению полез в драку и получил такой сильный удар по

голове, что свалился в реку и наверняка захлебнулся бы. Но судьбе было угодно, чтобы в эту самую минуту появился Джорджио, растолкав бритоголовых китайцев, бросился в воду и спас Корсана. С тех пор Джеймс Корсан стал тенью капитана Джорджио — они неразлучны.

— Вот плут, этот Корсан! — улыбнулся Крекнер. — Ловко он умеет обделывать свои делишки!

— О! Корсан ненавидит китайцев, — сказал Ольваэс, — и всякий раз, как только представится случай, таскает их за косы.

— Капитан придет сюда? — спросил испанец Баррадо.

— Наверное, нет, потому что, раз явится капитан, за ним увяжется и Корсан и начнет тут выплясывать, а потом, разгорячась, дергать китайцев за косы! — Ольваэс рассмеялся, а за ним все остальные.

— Капитан все-таки будет здесь непременно, — заметил один из датчан, — он сам мне признался. Ладно, давайте завершать партию.

Игроки взялись за карты, и снова доллары, таэли⁷, фунты стерлингов, рейхсталеры и пиастры пошли гулять по столу, переходя из рук в руки. Так

⁷ Таэль равняется семидесяти франкам. — *Примеч. автора.*

прошло около часа, за который Крекнер и Перкинс проиграли еще тысячу долларов, перешедших в карман счастливых Ольваэса и Баррадо. Этим закончилась вторая партия, и компания уже собиралась начать третью, как вдруг с берега послышался шум.

— Новые гости, что ли, пожаловали? — спросил американец, опуская карты. — Ага! Вон смотрите, двое каких-то людей идут к нам. Ба, да это капитан в сопровождении моего грозного соотечественника!

— Точно! — воскликнул Баррадо. — Легки на помине!

К игрокам быстро приближался капитан Лигуза, король виста, или, как в шутку именовали его друзья, *Человек, отбрасывающий живую тень*, — тень эта и сейчас следовала за ним в образе преданного друга и извечного спутника Джеймса Корсана, внимательно рассматривавшего в лорнет море бамбуковых шляп и развевавшихся длинных косичек танцующих китайцев.

Генуэзец Джорджио Лигуза, капитан торгового флота, был человек лет тридцати, высокого роста, стройный, с энергичным грубоватым, сильно загоревшим под тропическим солнцем лицом, живыми черными глазами, густыми длинными усами и пышной шевелюрой цвета воронова крыла. Он уже раз двадцать обошел

вокруг света, но во время двадцать первой экспедиции потерпел крушение у южных берегов Кореи. Корабль и весь экипаж погибли. Спасся только капитан с одним молодым поляком, но они попали в плен к пиратам, где, ужасно страдая, пробыли почти два года, пока в одну бурную ночь им не удалось бежать от своих мучителей и высадиться на китайском берегу. Здесь беглецов ждали новые испытания: китайское правительство всячески препятствовало тому, чтобы европейцы поселялись на территории Китая, и местное население преследовало смельчаков, рискнувших проникнуть вглубь китайской территории дальше разрешенных пределов. Но никакие трудности не остановили капитана. Переодеваясь то лодочником, то купцом, то прорицателем, он пробирался от города к городу и наконец достиг Кантона, где, скопив немного денег, занялся торговлей. Удачные сделки с чаем и бумагой скоро стали приносить ему доходы. Кутила, охотник, король игроков, при этом довольно образованный, прекрасно знавший географию, капитан сделался популярным человеком в *гонгах*, или факториях, и колонисты чуть ли не враждовали, оспаривая друг у друга его внимание.

Джеймс Корсан, уроженец Нью-Йорка, был одного возраста с Лигузой — лет тридцати, с широкими плечами, массивными ногами,

похожими на колонны, с руками, напоминавшими два кузнечных молота, огромной головой, заросшей целым лесом ярко-рыжих волос, и большим носом, красным, как пион, настоящим носом пьяницы — любителя виски. Людей вроде Корсана, грубых, как бегемоты, наделенных геркулесовой силой, в Америке называют полулошадьми-полукрокодилами. Человек очень богатый, Корсан даже не утруждал себя торговлей и все свое время тратил на перебранки с лодочниками и рабочими факторий, что нередко заканчивалось драками, во время которых сильно страдали косы бедных кули⁸ — не дай бог, если в них вцеплялась могучая рука рыжего колосса. В короткий срок Корсан стал грозой китайцев, которые боялись его, как дикого зверя. В факториях его звали Гаргантюа или попросту обжорой за его привычку поглощать огромное количество пищи и за необузданную страсть к бифштексу и виски. Приятели называли его *Живая тень капитана*, так как Корсан и Лигуза повсюду ходили вместе. Вот и сейчас друзья, по-видимому, куда-то спешившие, не замедлили вдвоем появиться под кустом магнолии. Двенадцать рук протянулись им навстречу.

⁸ Кули — низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие в колониальных странах.

— Я уж думал, что не увижу вас, — сказал Крекнер. — Что-то стряслось? Куда вы так торопитесь?

— У нас есть новости, господа! — оживился капитан, осушив стакан портера.

— О! — воскликнули игроки все разом. — Какие?

— Через десять минут придут наши путешественники. Как какие? Вы что, ничего не знаете?

— Нет, — растерянно произнес Ольваэс.

— Когда я направлялся с моей Живой тенью, как вы его называете, к этому острову, то встретил Бурденэ, который плыл на своей *кхуай-тхинг*⁹ к французской фактории. Он-то и сообщил мне о возвращении Кордонасо и Родни.

— Кордонасо! — снова хором повторили игроки.

— Вот именно, Бурденэ ездил за ним на торговое судно, шедшее из Сайгона.

Друзья вскочили из-за стола, бросив карты. Они знали, что Кордонасо и Родни — боливиец и англичанин — год тому назад отплыли в Индокитай

⁹ Род барки или лодки наподобие венецианской гондолы. — *Примеч. автора.*

с целью разыскать священную реликвию. Весть об их прибытии всполошила все общество.

— Вы уверены, что они вернулись? — спросил Крекнер.

— Да. Через десять минут вы тоже убедитесь.

— Как вы думаете, капитан, они отыскиали то, за чем ездили? — поинтересовался один из датчан.

— По-моему, нет. Последнее письмо от них ко мне было отправлено из Сайгона, и в этом послании ни словом не упоминалось о находке.

— Что они искали? — спросил кто-то из игроков.

— Священный меч Будды.

— Священный меч Будды? А что это такое?

— Разве вы о нем не слышали?

— Никогда! — крикнули игроки.

— Странно, китайцы постоянно о нем твердят.

— Этот меч драгоценный? — тихонько уточнил Ольваэс у Корсана.

— Пусть мой друг Джорджио расскажет, — ответил Корсан, почти не принимавший участия в разговоре и занятый разглядыванием голов китайцев с длинными косичками, как будто намечая себе подходящую жертву.

— Мы вас слушаем, капитан! — сказал Крекнер.

— Говорите, говорите! — раздалось со всех сторон.

Капитан уже приготовился удовлетворить общее любопытство, как вдруг заметил двоих джентльменов, направлявшихся к игорным столам. Он тотчас узнал боливийца Кордонасо и англичанина Родни.

— Господа! — воскликнул он. — Вот и наши путешественники!

Двенадцать игроков вскочили как один и бросились навстречу новоприбывшим, обступая их:

— Ура, Кордонасо! Bravo, Родни!

Путешественники обменялись рукопожатиями со всей компанией, после чего Крекнер с Ольваэсом потащили их к своему столику. Хлопнули пробки, и душистый херес до краев наполнил бокалы.

— За ваше здоровье!

— Спасибо, друзья!

Множество вопросов посыпалось вслед за тостами. Все наперебой хотели узнать, где были и что видели путешественники, что с ними случилось, нашли ли они священный меч, и герои дня, оглушенные криками, даже не знали, кому отвечать.

— У меня сейчас голова разорвется от шума, — признался боливиец. — Нельзя ли потише?

— Эй, успокойтесь! — призвал к порядку Крекнер. — Если будете галдеть все разом, то наши

друзья не смогут рассказать о священном мече, и мы ровным счетом ничего не узнаем об экспедиции.

— Тише, тише! — подхватили игроки. — Давайте слушать про священный меч!

— Вам ничего не известно об этой реликвии? — уточнил Кордонасо, и на его лицо легла мрачная тень.

— Ничего! — кивнули все.

— Мы даже не знаем, куда вы ездили, — прибавил Ольваэс.

— Ладно, слушайте! Только сперва я, с вашего позволения, выпью хереса — что-то в горле пересохло.

ГЛАВА II Пари

— Эта история, — начал Кордонасо, когда присутствующие уселись вокруг стола и воцарилась тишина, — относится к прошлому столетию, а именно к 1786 году. В тот памятный год многие китайцы отправились к озеру Манасаровар — месту, священному для буддистов, в особенности для жителей Тибета, которые бросают в воды Манасаровара пепел своих покойников, твердо веруя, что этим путем дорогие им умершие придут прямо в обиталище Будды. В числе паломников был и Куби Лай-шиу, влиятельный князь провинции Гуанси, один из самых ревностных

почитателей божества. Однажды ночью, когда князь плыл по священному озеру, поднялась страшная буря, опрокинула лодку и потопила всех его спутников. Видя, что и ему грозит смертельная опасность, князь воззвал к Будде и в результате целым и невредимым добрался до берега, где укрылся в пещере. Спустя несколько минут он услышал в глубине своего убежища страшный треск и увидел огонек, перелетавший с места на место и как бы приглашавший следовать за собой. Князь пошел за огоньком и, поплутав по извилистым галереям, достиг обширной пещеры, наполненной костями и скелетами. Над ними среди колонн, словно вися в воздухе, блеснул меч подобный тем, какие и теперь используют татары: с клинком из превосходной стали и золотой рукояткой, украшенной громадным бриллиантом почти с орех величиной. На одной из сторон клинка было выгравировано по-санскритски имя Будды, а на другой — какие-то непонятные знаки. Куби Лай-шиу завладел мечом и, считая его оружием самого Будды, по возвращении преподнес святыню в дар Кин-Лонгу, императору Китая и своему владыке. По приказанию последнего меч поместили в одном из дворцов городка императоров¹⁰.

¹⁰ В 1860 году Англия и Франция вели войну в Китае. В октябре их войска заняли находившийся близ Пекина летний

— Как интересно! — воскликнул Крекнер и, отбросив сигару, уставился на путешественника, ловя каждое его слово.

Кордонасо, выпив немного хереса, возобновил рассказ:

— Мечу приписывалась чудодейственная сила, и он являлся предметом вожделения всех буддийских народов: Бирма, Тонкин, Сиам ¹¹, индийский раджа предлагали Кин-Лонгу баснословные суммы за меч, но китайский император не хотел расставаться со святыней. Тем не менее в 1792 году, пока Кин-Лонг отсутствовал в Пекине, меч украли.

— Кто? — спросили сразу несколько слушателей.

городок китайских императоров Юань-мин-юань. В городке, окруженном гигантской стеной, находились тридцать шесть дворцов, созданных на протяжении нескольких веков. Каждый богдыхан строил для себя новый дворец, и Юань-мин-юань превратился в редчайшее собрание сокровищ искусства и архитектуры — жемчужину Китая. Захватив дворцы, колонизаторы учинили грабеж, а чтобы замести следы преступления, лорд Эльгин (Эльджин), главнокомандующий англо-французских войск, 6 октября 1860 года приказал сжечь Юань-мин-юань.

¹¹ Современные названия соответственно Мьянма, Вьетнам (северные районы), Таиланд.

— Точно не известно. Говорили, что орудовала целая шайка искусных воров. Кто-то утверждал, что они — бирманцы, другие — что японцы, подкупленные микадо, третьи — что это дело рук индийцев. Кин-Лонг разослал послов во все государства Азии, но поиски оказались безуспешными: меч как в воду канул. Около 1801 года, уже после смерти Кин-Лонга, разнесся слух, что чудесное оружие похитил и спрятал в одном из городских храмов некий мандарин из Юаньяна, фанатичный последователь Будды. Император Киа-Кинг, унаследовавший престол Кин-Лонга, передал своим доверенным лицам рисунок с изображением священного меча и направил их в Юньнань на розыски, но никто из посланников не достиг цели и многие из них были убиты — вроде бы, самими бонзами, буддийскими священниками. В 1857 году, охотясь близ берегов Ганьцзяна, я случайно встретил сына одного из тех посланников, участвовавших по приказу Киа-Кинга в поисках святыни. У этого человека сохранился рисунок священного меча Будды, я купил его и, вернувшись в Кантон, показал своему другу Родни, который предложил попытаться разыскать пропавшую реликвию.

— Потрясающе! — прошептал Крекнер.

— После долгих раздумий мы решили отправиться в Юньнань, — сказал боливец, не

скрывая гордости, — и, согласитесь, мало кто, как мы, отважился бы на столь рискованное предприятие.

— Это точно, — скривил губы в улыбке Корсан.

— Мы знали, что странствие по незнакомым землям, населенным далеко не дружественными племенами, — дело опасное. Только железные люди, храбрые и энергичные, как мы, решились бы на такое.

— Короче говоря, герои! — не без иронии произнес капитан Лигуза, видимо, полагая, что боливец слишком расхвастался.

— Да, господа, именно герои, — подтвердил Кордонасо, ничуть не смущаясь, — и, несмотря на все трудности, мы с Родни отправились в путь.

— Что же дальше? — с нетерпением спросил Джорджио.

— Мы выехали в конце января прошлого года вместе с проводником-китайцем. При нас было несколько лошадей, ружья и достаточный запас пороха и пуль.

— Черт возьми! — удивился Крекнер. — Можно подумать, вы хотели завоевать целиком какую-нибудь область!

— А что тут удивительного? Да, я мечтал видеть знамя Боливии развевающимся в самом

сердце Юньнани, рассчитывал завладеть частью этой провинции, — воодушевился Кордонасо.

— Но это вам, кажется, не удалось, — хитро заметил Ольваэс.

— Нет, хотя дело оставалось за малым. Итак, мы двинулись к Хуншуйхэ. Какой поход, друзья мои! Ни один путешественник древних и новых времен не встречал столько препятствий!

— Так ведь до Хуншуйхэ не очень далеко, — перебил рассказчика Крекнер.

— Вы бы видели, какие горы мы преодолевали! Негодяй проводник обманывал нас и вел по непроходимым тропам через леса и болота, по таким местам, где каждую минуту мы могли лишиться жизни, а не то что еще отыскать священный меч.

— Как же вы такое допустили? — нахмурился капитан Джорджио.

— Ни я, ни Родни не знали этой страны.

— Вот так славные путешественники! Отправиться в незнакомую страну и не потрудиться изучить ее хотя бы по картам!

— Вам легко рассуждать! Хотел бы я посмотреть на вас в тех условиях, господин капитан! — рассердился боливиец.

— Я добился бы своего и нашел священный меч! — твердо заявил Корсан.

— Что?! Даже не надейтесь. И вас, и вашего капитана китайцы обманули бы точно так же, как нас с Родни.

— Сомневаюсь, сеньор Кордонасо! — усмехнулся Джорджио. — Какой же вы после этого моряк?

— Я попросил бы без оскорблений...

— Господа! — приподнялся с места Ольваэс. — Вы хотите затеять ссору? Пожалуйста, не горячитесь!

— Да, это ни к чему, — сказал Крекнер. — Дайте дослушать рассказ о чудесном путешествии.

— Сеньор Кордонасо! Просим! Опишите ваш путь! — закричали игроки.

— Хорошо, — смягчился боливиец, — продолжаю. Мы подошли к Хуншуйхэ, реке, изобилующей водоворотами, а по ширине она равняется десяти Темзам...

— Неправда! — вмешался до сих пор молчавший Родни, в котором, видимо, разыгралась национальная гордость.

Корсан грубовато засмеялся, и многие последовали его примеру.

— Вам не нравится, что я сравнил Хуншуйхэ с десятью Темзами? — спросил боливиец, покраснев.

— Царица английских рек гораздо шире китайской Хуншуйхэ.

— Браво, охотник за бегемотами! — громко захохотал Корсан.

— Зачем вы возбуждаете ненужные страсти и перебиваете меня? — упрекнул Кордонасо англичанина.

— Ну-ну, господа! — одернул их Крекнер. — Хочется уже услышать конец истории!

— Тише, тише! Рассказывайте! — закричали слушатели.

Боливиец, недовольный тем, что его все время прерывают, некоторое время угрюмо молчал, потом залпом осушил бокал хереса, чтобы снять раздражение, и заговорил снова:

— Переплыв Хуншуйхэ, мы пустились через громадные равнины Юньнани, вдвоем преодолевая такие препятствия, перед которыми отступили бы двадцать человек, и усыпая путь трупами врагов...

— И золотом, — перебил его Родни.

— Пусть будет так, трупами и золотом. Не стану описывать, как мы шли через леса Юньнани, кишевшие тиграми, слонами и бегемотами, через болота, где нас одолевала ужасная лихорадка...

— Разве железным натурам страшна лихорадка? — не без ехидства спросил Ольваэс, которого начинал раздражать рассказчик-хвостун.

— Такая лихорадка сломила бы и железных людей, — не обращая внимания на насмешку, ответил боливиец. — Боже, какая напасть! У нас

стучали зубы в шестьдесят градусов жары! На тонкинской границе после страшнейшей битвы мы попали в руки лютого бандита и пробыли в плену шесть месяцев, пока однажды ночью не бежали, перебив всех разбойников.

Англичанин Родни, молча куривший, поднял голову, с удивлением глядя на своего спутника. Этот взгляд не ускользнул от внимания публики, которая и так не сомневалась, что боливиец лжет все больше и цветистее.

— В воротах Юаньяна, — на ходу сочинял Кордонасо, — мы схватились с китайской стражей, которая не желала нас впускать. Но храбрость восторжествовала, мы ворвались в город и принялись разыскивать священный меч. Мы осмотрели все храмы, допросили и подвергли пыткам бонз, но, к невыразимому удивлению, меч не нашелся. Его попросту больше нет на свете!

— Как это?! — воскликнули слушатели. — Священный меч Будды прекратил существование?

— Да! Мы его не нашли, и я твердо уверен в том, что его уничтожили.

— Ну, это сомнительно, — с недоверием покачал головой капитан.

— Почему? — спросил боливиец, взглянув на собеседника сверху вниз.

— Потому что меч могли спрятать в каком-нибудь другом городе, где вы не были.

— Проклятье! — завопил Кордонасо и ударил кулаком по столу.

— Не нужно так нервничать, сеньор Кордонасо. Кстати, вы ничего не слышали о Бирме?

— О Бирме?!

— Бирма постоянно вмешивалась в историю священного меча. Если вы не в курсе событий, то скажу вам, что, как подозревают китайцы, это оружие было спрятано в Амарапуре.

— В Амарапуре?! — Кордонасо побагровел и стиснул зубы.

— Как?! — наигранно воскликнул Ольваэс. — От вас ускользнула такая интересная подробность, сеньор?

— Откуда вы вообще взяли, что меч Будды находится в Амарапуре? — крикнул боливиец, взглянув на капитана так, словно вызывал его на дуэль.

— А почему вы так уверены, что реликвия в Юаньяне? — хладнокровно парировал Джорджио.

— Я опирался на свидетельства самих китайцев.

— Документы как раз и говорят, что меч, вероятно, в Амарапуре.

— Сеньор Кордонасо, вы не допускаете, что капитан прав? — подал голос Крекнер.

— Нет, такого не может быть!

— Так вы ведь не нашли меч, значит, не там искали, — выразили свое мнение некоторые игроки.

— Вы что, хотите сказать, что я не способен разыскать этот проклятый меч? — вновь повисил голос боливиец и сжал кулаки.

— Вот именно! — задиристо вскричал Корсан и стукнул по столу с такой силой, что бокалы и бутылки, задребезжав, едва не слетели на пол.

— Ах, вот как! — заорал Кордонасо. — Дерзайте, попробуйте сами! Я очень хотел бы увидеть вашего друга капитана на моем месте!

— Позвольте, это вы, кажется, обо мне? — спросил Лигуза, вставая со стула.

— Наш капитан наверняка добился бы успеха! — воскликнул Крекнер.

— Тише, господа! — попросил Баррадо.

— Нет, почтенные! Ваш капитан не сделал бы и десятой доли того, что мы с Родни, — горячился боливиец.

— Вы уверены, сеньор Кордонасо? — спросил Джорджио, побагровев от гнева.

— Уверен.

— А не желаете ли держать пари?

— Хоть десять!

— Хорошо, бьюсь об заклад на какую угодно сумму, что через год вернусь со священным мечом Будды.

— Как?! — изумились игроки.

— Я, капитан Джорджио Лигуза, заявляю это, отдавая полный отчет в своих словах.

— А я, ваша Тень, буду вас сопровождать! — подхватил Корсан. — Назначьте сумму, сеньор Кордонасо, и завтра же мы начнем предприятие. Согласны?

— Согласен, — кивнул боливиец. — Забавно будет потом посмеяться над вами.

— Решено! — подытожил капитан, не реагируя на издевку. — А вы все, господа, будьте свидетелями, что мы, Джорджио Лигуза и Джеймс Корсан, держим пари. Ваша ставка, сеньор!

— Я назначаю двадцать тысяч долларов.

— Принимаем, — ответили капитан и его Тень.

— По рукам, — хлопнул по столу Кордонасо. Ольваэс и Крекнер наполнили бокалы.

— За успех новой экспедиции! — произнесли тост игроки.

— Благодарю, — ответил Джорджио. — Приглашаю всех к нам на проводы завтра пополудни!

Друзья протянули ему руки, он пожал их одну за другой и удалился в сопровождении Корсана, не обращая внимания на громкую музыку, пляшущих китайцев, звон бокалов и подвыпивших гостей, кричавших вслед:

— Да здравствует капитан Джорджио! Ура священному мечу Будды!

ГЛАВА III Сборы в дорогу и первая жертва

На другой день около десяти утра Джеймс Корсан в одежде плантатора с длинным карабином под мышкой позвонил в ворота виллы Джорджио, расположенной на северном побережье датской колонии почти напротив небольшого китайского селения Хуанпу. На звонок вышел юноша-морьяк лет двадцати, высокий и, несмотря на свою худобу, очень энергичный. Это был поляк из Варшавы, тот самый, что сопровождал капитана в его долгом, через весь Китай, путешествии, во время которого они потерпели кораблекрушение и бежали из пиратского плена. Джорджио сердечно привязался к этому юноше и обращался с ним, как с младшим братом.

— Доброе утро, сэр Джеймс! — весело крикнул поляк.

— Здорово, Казимир. — Американец с такой силой сжал руку молодого человека, что у того хрустнули кости. — Что подельывает капитан?

— Прокладывает маршрут по картам, ведь решено: мы едем искать священный меч Будды.

— Да-да, славное предстоит дельце!

— Сэр Джеймс, а кто такой Будда? Правда, что он был великим человеком?

— Глупый ты юнец! — строго поджал губы Корсан. — Ты считаешь, азиатского бога можно называть просто великим человеком?

— Так Будда — бог?! А я думал, это знаменитый воин.

— Бог, которому поклоняются все противные желтые китайские рожи.

— Клянусь пушкой, — засмеялся поляк. — Вот не ожидал от вас, сэр Джеймс...

— Чего не ожидал?

— Помилуйте! Это же надо! Вы, непримиримый враг китайцев, едете разыскивать меч китайского бога!

— Насмешничаешь, — вздохнул Корсан. — Да, я поступил по-дурацки...

— Это точно, — продолжал хохотать юноша.

— ...и не могу взять своего слова назад.

— Ладно, сэр Джеймс, все отлично! Мы будем охотиться на слонов и бегемотов, добудем меч, выиграем пари в двадцать тысяч долларов и заткнем за пояс хвастуна боливийца. Разве оно не стоит того? Вы ведь не откажетесь от пари?

— Ни за что. Я созрел для грандиозного путешествия, хочу поохотиться на колоссов, снести с плеч несколько голов, оторвать сотню-другую косичек, покурить опиума, положить в карман

солидный куш и разыскать меч, который, может, и не волшебный, зато украшен бриллиантом с орех величиной, что доказано.

Юноша и гость прошли в богато меблированный кабинет, посреди которого за столом, заваленным географическими картами, сидел капитан Джорджио Лигуза.

— А! — воскликнул он, подняв голову. — Это вы, Тень!

— Я самый, а вы чего зарылись в эти бумажки, как библиотечная крыса?

— Исследую предстоящий путь. У вас все готово?

— Все. Джонка Луэ Коа ждет у берега. Палатка, одеяла, провиант и амуниция уже в ней. Я обменял двадцать тысяч долларов на бриллианты, чтобы у нас было поменьше груза.

— Предусмотрительно. Теперь нам надо обсудить маршрут.

Корсан устроился возле капитана и, удивленно разглядывая карту, испещренную запутанными линиями гор и рек, с опаской спросил:

— Неужели вы верите этим каракулям?

— Конечно, Джеймс, и это не каракули, — ответил Лигуза, разворачивая перед собой карту Китая, по которой он уже наметил путь от Кантона до Юаньяна и оттуда до Амарапуры.

— Надо иметь поистине монашеское терпение, чтобы разобраться во всех этих черточках и точках, нарисованных как будто специально для того, чтобы сбить с толку людей. У меня в глазах рябит от них.

— Ну ладно, хотя таскать китайцев за косы — занятие полегче, чем изучать карты.

— Что верно, то верно, — простодушно согласился американец.

— Посмотрите сюда и послушайте: вот здесь Юаньян, а тут — Амарапура. — Капитан указал обе точки на карте. — Эти два города оспаривают честь обладать мечом Будды.

— Значит, нам надо отправиться в эти города? — спросил юноша.

— Непременно, Казимир, — важно произнес Корсан и попробовал самостоятельно найти на карте Юаньян.

— Почему вы ищете его в Монголии, Джеймс? — посетовал капитан. — Если не научитесь обращаться с картами, то очутитесь в Сибири.

— Да ведь я не географ! А, вот, я нашел оба города и держу их под пальцами. Хоть пальцы я растопырил лишь слегка, сдается мне, что между этими двумя точками приличное расстояние. Или я ошибаюсь?

— Нисколько. Они очень далеко друг от друга, и нужно решить, в какой из двух городов мы отправимся вначале. Я бы поехал в Юаньян.

— Тогда и решать нечего! — воскликнул американец. — Если вы, ученый человек, считаете, что лучше начать с Юаньяна, наше дело подчиняться.

— Хорошо, вот смотрите весь маршрут.

— Только не так быстро.

— Здесь Сицзян, видите? Мы поднимемся на лодке вверх по его течению.

— Мы отправимся в Юаньян на лодке?

— Нет, что за глупости! Юаньян расположен не на Сицзяне.

— Этих цзянов у китайцев столько, что запутаешься!

— Мы доплывем до Учжоу, потом возьмем лошадей и пересечем провинции Гуанси и Юньнань до самых берегов Юаньцзяна.

— Что такое Юаньцзян?

— Река, омывающая Юаньян.

— То есть, переплыв Юаньцзян, мы без затруднений попадем в Юаньян?

— Именно, Джеймс, если вы не против.

— Я? Что вы, капитан! Умнее не придумаешь. А мы будем убивать там слонов и бегемотов?

— Сэр Джеймс, — удивился Казимир, — вы шутите? Эти чудовища вас уничтожат!

— Вот еще! Китайские звери мне не страшны!

— Да разве в Китае дикие животные не такие же, как в других странах?

— Конечно, нет, Казимир. Водятся там звери, Джорджио?

— Целыми сотнями.

— Вот и отлично. Давайте дальше. Если этот пресловутый меч не обнаружится в Юаньяне, тогда что?

— Тогда наш путь лежит в Амарапуру, — ответил Лигуза. — Вас не пугает путешествие через Индокитай?

— Вовсе нет, но тогда оно, как я понимаю, затянется...

— В нашем распоряжении целый год.

— Да, времени достаточно. Итак...

— Итак, если мы не найдем меч в Юаньяне, то переправимся через реку Меконг, потом пройдем Салуин, далее Менам и очутимся на берегах Иравади. Оттуда нам нетрудно будет добраться на лодке до Амарапуры, или Города бессмертия, как его называют бирманцы.

— Какой вы человек! — восхитился другом американец. — Слушая вас, думаешь, что вы уже раз сто проделали весь этот путь.

— Нравится маршрут?

— О, не то слово!

— А готовы ли вы к жертвам и лишениям, чтобы отыскать священный меч Будды?

— Я сделаю все, что вы скажете.

— Отлично! Давайте начнем с маленькой жертвы. — Капитан откупорил бутылку старого виски и наполнил два хрустальных стакана. — Вы лучше меня знаете, что китайское правительство неохотно пускает иностранцев в свои владения.

— Да, — согласился Корсан. — Мы рискуем тут головой. Если мы войдем в Гуанси в европейской одежде, нас живо арестуют.

— Что же делать? — спросил Казимир.

— У меня есть одна идея, по-моему, удачная. Мы загримируемся китайцами, привесим себе на затылок *биэньдзи*, да-да, косичку, и наденем *нань-чхань-гуй* ¹².

— Что? Мне, гражданину свободной страны, чистокровному янки, вырядиться китайцем? Напялить проклятый *нань-чхань-гуй* ?!

— Тогда предложите что-то лучшее, — обиделся Джорджио, но, видя, что американец сидит, будто онемев, не в силах издать ни звука, добавил уже дружелюбнее: — Теперь не до щепетильности, Джеймс, и не время самим себе чинить препятствия.

¹² Китайский национальный кафтан.

— Но подумайте! Мне привесить косичку? Я американец!

— Так и что с того?

— Меня поднимут на смех!

— Кто? Да и велика ли важность? Нам надо выиграть пари. Кстати, вы лукавите: в Плавучий город вы прибыли, переодевшись китайцем.

Американец поискал, что возразить, но не нашел.

— Решайтесь, сэр Джеймс! — убеждал Казимир. — Подумаешь, какая-то косичка? Это ведь на время. Зато, когда мы наденем косы и кафтаны, то станем курить опиум и пить чай, как настоящие китайцы.

— Ты тоже привяжешь себе косу, Казимир?

— Конечно! Для большего эффекта я даже подкрашусь.

Корсан яростно скреб затылок и пыхтел, как тюлень. Для него, заклятого врага китайцев, было невыносимо надеть китайский кафтан и привязать ненавистную косичку.

— Путешествовать с таким подлым украшением и обуться в эти сандалии... как их... *лианг-сие* на высокой подошве?

— Все китайцы путешествуют в такой одежде, — смеясь, сказал капитан.

— Ладно, сдаюсь. Раз уж это крайне необходимо, я дам себя... разрисовать и одеть.

— Вот и хорошо, сэр Джеймс. Мы привяжем вам к затылку длинную косичку и наклеим на нос очки, — съехидничал поляк.

— Да погодите вы! Лишь бы насмеяться. Это такая жертва с моей стороны!

— Будет, Джеймс! — похлопал его по плечу капитан. — Обладание священным мечом Будды определенно заслуживает подобной жертвы.

— К черту бы я послал этот меч и всех азиатских богов вместе взятых! Мы еще и шагу не сделали, а уже такие трудности...

Капитан взглянул на часы:

— Одиннадцать. У нас мало времени. Давайте собираться.

Корсан вздохнул и понуро побрел за Джорджио и Казимиром в соседнюю комнату одеваться. Там он не без содрогания увидел кафтаны, рубашки, шальвары, косы, шляпы, сандалии, пояса, кошельки, очки и веера — все предметы гардероба доблестных сынов Небесной империи. Китайский цирюльник сбрил всем троем бороды, начернил усы, пригнув их кончики книзу, обрил часть головы и приколот *биэньдзи* — великолепную косу длиной фута три. Корсан все это время не переставал вздыхать и пыхтеть. Туалет путешественников оказался несложен. Сначала они умылись желтой водой, которая оставила на коже их лиц оттенок, свойственный китайцам, потом

надели *pusain* — национальную шелковую рубашку, а поверх нее — *нань-чхань-гуй* длиной до колен. Кафтан они застегнули на многие крючки и пуговицы, стянули широким поясом *кхуань-яодай* и привесили к нему *кхоо-бао*, в котором лежали трубка, очки из прокопченного кварца и веер. Американец все еще продолжал переживать, пот лил с него градом, как после тяжелой работы.

— Все хорошо, Джеймс! — подбадривал капитан. — Вы уже наполовину китаец, осталось потерпеть еще немного.

— Для меня это равносильно двенадцати подвигам Геракла, — пробурчал Корсан.

Нечеловеческим усилием он заставил себя натянуть шальвары и обуть сандалии с широкими носами и высокой войлочной подошвой. Нахлобучив на голову уродливую шляпу в виде гриба, он бросился к зеркалу:

— О Господи! Я стал настоящим китайцем!

Затем Корсан стал внимательно рассматривать свои глаза, точно боясь увидеть их раскосыми, но оказалось, что, несмотря на перемену костюма, глаза остались такими же, как и были. Джорджио и Казимир, увидев, что американец словно прирос к зеркалу, покатывались со смеху.

— Клянусь пушкой, — потешался юноша. — Вы чистокровный китаец, сэр Джеймс!

— Хватит скалить зубы, плут! — возмутился Корсан, но потом так расхохотался, что задрожали стены комнаты.

Пробило двенадцать. У берега уже находились лодки европейцев и американцев из факторий и джонка с семью гребцами. Нельзя было терять ни минуты. Окна и двери дома плотно закрыли заслонами, чтобы вилла в отсутствие хозяина не сделалась добычей ночных грабителей Хуанпу, которых в последнее время развелось немало, и все три искателя приключений, вооруженные карабинами, пистолетами и *bowie-knives*¹³, спустились к берегу. Крекнер, Ольваэс, Баррадо, Родни и еще до полусотни друзей и знакомых ожидали путешественников. Расставание было трогательно, а пожелания — нескончаемы. Каждому хотелось обнять и расцеловать троих смельчаков, которым, может быть, и не суждено было больше увидеть Кантон. В двенадцать с четвертью прозвучал сигнал к отправлению, и капитан Лигуза, сэр Джеймс и Казимир сели в джонку, раскачиваемую волнами прилива.

— Да сопутствует вам Бог! — кричали из толпы на берегу.

¹³ *Bowie-knife* (англ.) — крепкий нож длиной около фута.

— Спасибо, друзья! — Капитан помахал шляпой. — Через год, если Богу будет угодно, мы вернемся со священным мечом Будды!

Он сделал знак гребцам, те взяли за весла, и джонка отчалила, быстро устремляясь вверх по течению Жемчужной реки.

ГЛАВА IV Плавание на джонке и китайский обед

Лодка, на которой отправились в путь неустрашимые искатели священного меча Будды, представляла собой обыкновенную китайскую джонку длиной около пятидесяти футов, с легким ходом и высокой носовой частью, украшенной огромной головой льва. В центре лодки возвышался узкий бамбуковый навес, служивший укрытием для путешественников, на корме располагалась мачта высотой около двенадцати или тринадцати футов с вымпелами и большим парусом. Экипаж, помимо троих наших героев, состоял из восьми человек. Шестеро были *танкиа*, то есть гребцы, — крепкие мѳлодцы, работающие, непьющие, но шумные; косы у них на головах были собраны в узел, а одежду составляли простой кафтан, открытый спереди, и шальвары — такие широкие, что образовывали складки на животе. Седьмой был *лаваду*, старший над гребцами и владелец судна по имени Луэ Коа,

толстяк с круглым лицом, массивными скулами, тяжелым подбородком, сплюсненным носом и косою до самых колен. Этот лаваду уже несколько раз исправно служил капитану Лигузе, тот был вполне доволен и не обращал внимания на репутацию китайца, про которого говорили, что прежде он пиратствовал и торговал невольниками. Восьмой, Мин Си, любимец капитана Джорджио, носил звание *пин-чан-пиао*, или канонир-трубач. Этот человек невысокого роста с крупной головой, непропорциональной телу, раскосыми живыми глазами и длинными загнутыми книзу усами как свои пять пальцев знал все южные провинции Китая и считался надежным лоцманом.

Подгоняемая шестью сильными веслами и бурным приливом джонка благополучно миновала лабиринт островов и островков, который Сицзян образует в своем устье, и менее чем за двадцать минут достигла канала Гонам. Она с большим трудом прокладывала себе путь среди бесчисленных лодок, которые сновали вверх-вниз по течению и шли из Макао, Гонконга, Кантона, Фошаня, Шицзяо и Цзянмыня. Мимо джонки то и дело проносились напоминавшие туфлю сампаны¹⁴

¹⁴ Сампан — деревянное плоскодонное одномачтовое судно, передвигающееся с помощью весел и паруса.

с молодыми стройными лодчицами в широких *кавауе* и хлопковых шальварах; красивые *куо-чхан-тхоу* с выступающей вперед остроконечной кормой, нагруженные товарами и управляемые резвыми гребцами. В элегантных лодках *цзе-унг-тхинг* дремали важные мандарины и богатые горожане; длинные и тонкие *чха-тхинг* везли рис; огромные *tu-chwau*, настоящие плавучие omnibusы, были переполнены пассажирами, а вокруг сновали *кхуай-тхинг*, похожие на венецианские гондолы и предназначенные для несения полицейской патрульной службы. Миновав этот оживленный участок, джонка скользнула в южный канал, отделенный от Фошаньского канала целой группой островков. Прилив все продолжался, и лодка двигалась спокойно и быстро. Три путешественника, до сих пор сидевшие под навесом, решили полюбоваться восхитительными видами. Берега были почти пустынные, но время от времени среди зелени выступали грациозные виллы с нарядно расписанными стенами и причудливо изогнутыми, покрытыми голубой или желтой черепицей крышами. Иногда мелькали живописные хижины, утопавшие в сирени и магнолиях, бамбуковые мостики, перекинутые через канальчики, и элегантные башни, так называемые *та-цеу*, взмывавшие в небо своими этажами, — там хранились реликвии буддистов.

Около полудня джонка сделала короткую остановку у одного из островков перед верфью, где несколько рабочих конопатили бока старого военного судна. Наши герои перекусили жирным гусем и выпили по несколько чашек чая — обязательного напитка для всех путешественников по Китаю. Несколько часов спустя при попутном ветре поплыли дальше мимо Шицяо — деревушки на берегу острова, отделяющего Фошаньский канал от Тамшао. Вода у берега кишела рыбой, которую сгоняли туда пеликаны-рыболовы, чем и пользовались предприимчивые китайцы: по их свистку птицы доставали рыбу и приносили ее «хозяевам» прямо в клюве.

В четыре часа джонка уже прорезала канал Скунтак у самого острова, пробегая между двумя берегами, заросшими высоким тростником, в котором по временам виднелись верхушки хижин или изогнутые крыши богатых вилл. Немного подальше оба берега, до сих пор узкие, начинали заметно расширяться, образуя подобие озера с двумя островами, покрытыми густым кустарником. При сильном течении джонка к вечеру достигла северного устья, где стала на якорь напротив островка недалеко от предместья Цзянмыня. Путешественники сошли на берег и направились в гостиницу, расположенную под сенью двух больших тамариндов. Они очутились в просторной

зале, освещенной большим фонарем из промасленной бумаги. Стены украшали росписи в виде цветов, лун, экзотических животных и огнедышащих драконов. Легкие изящные столики из тростника были сплошь заставлены фарфоровыми чайниками и чашечками, шкатулками и шкатулочками, вазами и вазочками, в которых подавали деликатесы китайской кухни. Хозяин заведения, толстый китаец-коротышка, появился откуда ни возьмись и долго кланялся гостям, много раз повторяя традиционное приветствие и сопровождая его то взмахами рук, то скрещиванием их на груди.

— Эй, милейший! — закричал американец. — Мы хотим есть, мы еще не обедали. Я бы не отказался от жареного козленочка.

— Что вы говорите, сэр Джеймс? — удивился Казимир. — В Китае очень сложно найти козлятину.

— Если у тебя нет козлятины, голубчик, тащи все, что имеется на кухне. Да поспеши, я голоден как волк.

Хозяин бросился выполнять приказание и с помощью двух прислужников быстро уставил стол мисками, тарелками, вазочками и чашками, издававшими специфический запах. Корсан понюхал содержимое одной из мисок — жидкость зеленого цвета — и чихнул.

— Что это за отрава? — спросил он капитана.

— Бульон из стеблей кувшинок, — ответил Джорджио.

— А из чего начинка в пироге?

— Из жареных кузнечиков.

— Фу, гадость, — Корсан сморщился, — жареные кузнечики?

— Если не нравится, друг мой, здесь немало других кушаний. Отведайте запеченных устриц, жареные каштаны, фрикасе из белых мышей в соусе или молодую собачку.

— Чтобы я стал есть мышей и собак?!

— Молодая собачка — деликатес, — объяснил Казимир. — Все равно что молочный поросенок. Сэр Джеймс, вот еще пирог из раков и суп на рыбьих плавниках. Лакомство!

— Вы издеваетесь! — воскликнул Корсан, выходя из себя. — Мыши, собаки, кузнечики, плавники... Это стряпня самого Вельзевула!

— Нет, Джеймс, — спокойно сказал капитан, — блюда очень вкусные, берите пример с меня и Казимира.

Джорджио придвинул к себе миску с фрикасе и начал есть с большим аппетитом, Казимир ел раков и суп из плавников, а Луэ Коа и Мин Си уплетали пироги с начинкой из кузнечиков. Корсан долго смотрел на них, не решаясь поднести ко рту даже кусочек.

— Не могу я, Джорджио, есть собачье и крысиное мясо.

— Вы слишком разборчивы.

— Разборчив? — вскричал американец и стукнул по столу так, что зазвенела посуда. — Я Джеймс Корсан, янки, полулошадь-полукрокодил, как зовут меня на родине!

— Крокодил не откажется ни от какой пищи, — усмехнулся Казимир.

— Ты думаешь? Ну, если так, то глядите!

Он схватил огромную ложку и яростно налег на блюда, поглощая подряд и кузнечиков, и мышей, и рыбы плавники, и каштаны, и кувшинки, обильно поливая все это соусом и крепким напитком *сам-шиу* — экстрактом перебродившего проса. Меньше чем за двадцать минут американский Гаргантюа съел все, что стояло на столе, и даже вылизал миски, тарелки и вазочки.

— Я почувствовал себя настоящим крокодилом, — сказал довольный Корсан, окончив трапезу. — По правде говоря, эта стряпня вкусная!

После обеда гребцы и лаваду вернулись на джонку, а трое белых путешественников и Мин Си остались в гостинице. Вечер они скоротали за чашкой цветочного чая и трубкой и в десять часов разошлись по отведенным комнатам. Внимательно осмотрев стены, чтобы убедиться, что в них нет

потайных ходов, и крепко заперев двери, дабы оградить себя от какой-нибудь дикой выходки китайцев, наши путники растянулись на ложах из тростниковых плетенок с подушками из стеблей камыша, дающего приятную прохладу. Через несколько минут все четверо уже храпели так сильно, что вздрагивали стены.

ГЛАВА V О Жемчужной реке, жемчуге и пиратах

Едва первый луч солнца проник сквозь штору, капитан Лигуза вскочил со своего ложа, готовый дать сигнал к отъезду. Слыша, что спутники еще похрапывают, он открыл окно, чтобы посмотреть на окружающую местность. Солнце быстро выкатилось из-за далекой цепи гор и уже щедро поливало плодоносные земли Небесной империи целым дождем горячих лучей, сверкавших на темной зелени кустов и обширных плантаций. Река Сицзян (Жемчужная), питаемая другой рекой — Бэйцзян, величественно несла свои воды с запада на восток между густыми зарослями бамбука, индиго, тамаринда, шелковицы и мангостана, орошая поля и сады вблизи деревушек. Домики, расписанные в яркие, с множеством красных оттенков, цвета и покрытые золотистой черепицей, казались игрушечными и радовали глаз своей приветливой

нарядностью. Капитан взглянул и на джонку, которая красиво выделялась на фоне роскошной природы своим ослепительно-белым парусом и стройной мачтой. Гребцы, видимо, спали, а хозяин гостиницы всюду хлопотал, отдавая приказания слугам. Капитан Джорджио постучал в соседние комнаты и по-морскому свистнул: Казимир и Мин Си мгновенно вскочили, а Корсан потянулся на циновках и сладко зевнул.

— Пора! — скомандовал капитан. — Сегодня поплывем по Сицзяну.

— О! По Жемчужной реке! — воскликнул янки, потирая руки. — Я наловлю там жемчуга и стану еще богаче.

— Ха, Джеймс, там жемчуга совсем нет.

— Ни за что не поверю! Ведь не зря же китайцы прозвали эту реку Жемчужной?

Собрав оружие и амуницию, искатели приключений сошли вниз по лестнице в общую залу, где хозяин со слугами уже кипятили воду к чаю.

— Вот молодец! — похвалил американец, энергично встряхнув хозяина за плечи. — Дай пожму твою лапу, достойнейший из китайских трактирщиков!

Корсан стиснул руку китайца так, что бедняга чуть не вскрикнул, после чего янки уселся перед целой дюжиной чашек с душистым чаем, накрошил

туда кучу бисквитов и принялся поглощать их. Выпив чаю и заплатив хозяину за стол и ночлег, друзья покинули гостиницу и направились к джонке, где Луэ Коа и его гребцы только что позавтракали рисом и рыбьим жиром.

— В путь, Луэ Коа! Поднимайте паруса! — закричал американец и поддел ногой пустую миску из-под риса. — Что за дрянь ты ешь? Вот если хорошо послужишь, я нынче же вечером угощу тебя жареной птицей.

Луэ Коа поднялся, что-то ворча себе под нос, и велел распустить парус. Белые и китайцы заняли места в джонке и двинулись по каналу, огибая островок. Миновав этот клочок земли, на котором множество китайцев ловили рыбу маленькими гарпунами, лодка на полной скорости вошла в последний рукав реки и помчалась по нему прямо в Сицзян.

Путешественники, защищенные от палящих лучей солнца бамбуковым навесом и *ротангами* — большими шляпами из стеблей пальм, сидя на корме, с любопытством глядели по сторонам. Берега канала, сужавшиеся, подобно горлышку бутылки, вблизи острова, снова стали расширяться, образуя маленькое озеро. Повсюду, насколько хватало взгляда, простирались плантации, на окрестных болотцах гнездились целые стаи водяных птиц, кокетливо, как в зеркало, смотрелись

в спокойные воды реки пагоды, возле хижин и сараев, готовые к погрузке на суда, громоздились тюки чайного листа. Мужчины и женщины, как муравьи, без устали трудились на берегу и на плантациях: ловили рыбу, обрабатывали землю, собирали плоды — головы от палящего солнца защищали ротанги, из-под которых выбивались длинные косички, свисавшие почти до земли.

Около девяти часов утра Джорджио Лигуза, не покидавший капитанского мостика, привлек внимание своих спутников громким возгласом и указал им на Саньшуй — утопавшую в зелени крепость на левобережье. Она отчетливо выделялась на светлом фоне воды и неба своими раскрашенными в яркие цвета домами и куполообразными крышами с золотисто-красными флюгерами. Джонка пролетела мимо двойной линии судов, стоявших на якоре, и двинулась вверх по все более и более сужавшемуся руслу меж двух лесистых берегов. Луэ Коа привстал, чтобы легче было управлять судном. Скоро течение сделалось стремительным, река яростно бурлила среди трех островов, бешено кидаясь на джонку, которая беспомощно стонала, кренясь то на правый, то на левый борт. Джорджио, Джеймс и Казимир, держась за корму, старались рассмотреть место слияния двух рек: Сицзяна, несшего свои воды с запада, и Бэйцзяна, бежавшего с севера.

— Луэ Коа, гребцы! — крикнул американец. — Полный вперед!

— Помолчите! — огрызнулся китаец. — Мои люди обязаны выполнять только мои команды.

Гребцы, согнувшись на веслах, пропустили джонку под тремя островами, которые служили преградой против яростного течения. Держась под ними, она поднялась до слияния двух рек и поплыла по их водам, которые в дружном согласии катились к морю. В эту минуту Казимир заметил нескольких рыболовов, тянувших сети недалеко от островов. Опасаясь, как бы китайцы не заподозрили, что на джонке плывут чужестранцы, капитан Джорджио велел своим спутникам немедленно укрыться под навесом.

— Вы что, боитесь какой-нибудь мерзости от этих желторылых? — спросил Корсан.

— Осторожность не помешает, Джеймс, — ответил капитан. — Мне показалось, что Луэ Коа подал знак старшему из рыболовов.

Американец послушно спрятался под навес и сидел там, пока джонка подплывала к рыбакам, которых было человек двенадцать, все чистокровные китайцы, низкорослые, крепкие, с темно-желтыми лицами, широкими скулами, короткими подбородками, сплюснутыми носами и раскосыми глазами. Все были полуголые, выкрикивали какие-то слова и угрожающе

потрясали своими *чань-шиангами* — чем-то вроде коротких пик, которыми они ловили рыбу.

— Почему они орут, капитан? — спросил Джеймс, который не мог долго оставаться в спокойном состоянии. — С какой стати они на нас так воинственно смотрят?

— Сейчас узнаем, — ответил Джорджио, из предосторожности заряжая винтовку.

— Не бойтесь, капитан, — успокоил его Мин Си. — Их слишком мало, чтобы напасть на джонку, на которой плывут трое белых. Прикажите Луэ Коа держаться подальше от островов.

— Эй, Луэ Коа! — крикнул Джорджио. — Куда правишь джонку? Держись середины реки!

— Давайте купим у них рыбы, — предложил кормчий. — Вон сколько крупных форелей, и отдадут дешево.

— Нам не нужна рыба.

— Зря вы не делаете запасов, — покачал головой китаец. — Если потом что-то приключится в дороге, пожалеете.

— Эй, заткнись! — прогремел американец. — Будешь соваться со своими пророчествами, я тебе все ребра переломаю!

Луэ Коа понял, что лучше замолчать, и повернул джонку. Тотчас же рыболовы начали горланить, угрожать, браниться, а некоторые вскинули гарпуны, целясь в гребцов. Американец